

СЛОВО УЧИТЕЛЯ: ТОЧНОСТЬ, ЯСНОСТЬ, ЛОГИЧНОСТЬ...

А. МУРАШОВ

Учитель, блестяще владеющий предметом, — ещё не мастер своего дела. Он так и не станет им, пока речь его не достигнет сознания каждого из ребят, их рационального и эмоционального мировидения. А своего рода «цоколь» такой организации педагогической речи — владение нормативной базой языка. И представление о том, когда речь становится целесообразной. То есть те речевые качества, которые сделают слово педагога обращением коммуникативного лидера (им учитель всегда является) к аудитории.

В.О. Ключевский обращает внимание на начало педагогического монолога, адресованного юной аудитории:

«Преподавателю прежде всего нужно внимание класса или аудитории, а в классе и аудитории сидят существа, мысль которых не ходит, а летает, и поддается только добровольно. В преподавании самое важное и трудное дело — заставить себя слушать, поймать эту непоседливую птицу — юношеское внимание. С удивлением вспоминаешь, как и чем умели возбуждать и задерживать это внимание иные преподаватели. П.М. Леонтьев совсем не был мастер говорить... Но, бывало, напряжённо следишь за развертывавшейся постепенно тканью его ясной, спокойной, неторопливой мысли,

и вместе с ударом звонка предмет лекции, какое-нибудь римское учреждение, вырезывался в сознании скульптурной отчётливостью очертаний. Казалось, сам бы сейчас повторил всю эту лекцию о предмете, о котором за 40 минут до звонка не имел понятия».

(Ключевский В.О. Исторические портреты. — М., 1990. — С. 514–515)

Точность речи, её ясность и логичность — условия нашего лидирования в самых непростых ситуациях школьного урока, условия не только успешного начала урока, но и его проведения в целом. Между тем...

Мастер художественного слова сообщает: «Фридрих принял её вместе с братом, принцем Генрихом». Генрих — это брат Фридриха или Екатерины Дашковой, принятой им? Соответственно — «Фридрих с братом» или «с её братом»? Вне контекста понять эту фразу невозможно. На тех же страницах императрицу возмущает «вмешательство в придворные дела юной невесты». Также требуется контекст, чтобы понять: у самой невесты не могло быть придворных дел. Сегодня точность и ясность речи нарушаются нередко, в том числе — учителями, речевые перлы которых попадают в Интернет, а если там и не оказываются — играют исключительную роль в формировании репутации. Нашей с вами репутации. «Достаточно плохо ты подготовился сегодня», — задумчиво

сообщает учитель вместо разг. «плоховато» или нейтр. «довольно плохо». Может, он сам ещё не определил, достаточно или плохо? «Но, конечно, я не верю всему, что мне говорится и обещается», — изрекает министр вместо «верю не всему»; неудачно построенная фраза могла оказаться ещё и неясной: а если он всё сразу отрицает? Нужен как минимум невербальный сигнал, жест или интонационный сигнал, — чтобы однозначно понять сказанное. «Легко жить здорово!» — провозглашает реклама. Фраза двусмысленна: пауза может быть как после первого, так и после второго слова — в зависимости от этого значение будет различным. Такие высказывания дезориентируют адресата, а говорящий, имея вполне конкретное коммуникативное намерение, допустил неточность и неясность. Над рекламой можно весело хихикнуть. Фразу министра можно будет понять, если всмотреться в её невербальное оформление. А учитель, как сапёр, ошибается однажды и только однажды: после ошибки он будет восприниматься уже не как наставник, а как предмет стёба, и отнюдь не всегда безобидного.

Разберёмся во всём по порядку...

Неточность и неясность могут возникать вследствие ошибок в речи — фонетических, лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических, стилистических. Оптимальный вариант высказывания, самодостаточный, то есть не требующий контекста для понимания, безупречен с позиций всех языковых уровней; говорящий обнаруживает при этом владение нормативной базой языка.

Фонетически неточность и неясность высказывания могут быть связаны с артикуляционными недостатками, с дефектами произношения. Показывая такую речь, С.В. Михалков пишет:

Но то, что можно внятно
Сказать для всех понятно,
Красиво,
Чисто,
Ясно, —
Как люди говорят, —
Наш Саша так корёжит,
Что сам понять не может:
Произнесёт словечко —
И сам тому не рад!

Точность обеспечивается чётким артикулированием; в особенности важна эта чёткость, если слушатель может не знать предмета или человека, о котором ему сообщают. Но, помимо сходно звучащих «день» и «тень», ситуаций, когда «до свидания», как у Саши, героя Михалкова, принимает форму «до здания», — могут быть и более серьёзные случаи неточности и неясности.

«Певец восстаний русских воинов», — говорит студентка на экзамене, имея в виду «Певца во стане русских воинов» В.А. Жуковского. «Арагонская хота» при неясном артикулировании превращается в «Арагонскую охоту». И такие случаи нередки. Значит, ясность была нарушена при первичном произнесении. А. Хасидович рассказал, как группа иностранцев в московском метро смутилась и вышла из вагона, услышав в восклицании «Готов!», которым дежурная по платформе давала поезду отправление, — англоязычное «Get off!», то есть требование выйти. Так неверно воспринятое стало непонятным для целой группы взрослых людей.

Когда человек хочет быть понятым, ему важно предвидеть реакцию на свои слова, видеть себя глазами слушателей, оценивать сказанное с их позиций, — сообщённое должно быть точно и недвусмысленно, если не ставится задача намеренного выдвижения проблемы перед аудиторией.

— Он работал сангиной! — со знанием дела сообщает школьник другу, показывая на рисунок художника.

— Ну и что? — удивляется друг. — Я с ангиной всегда уроки делал, и ничего.

Непонимание произошло из-за случайного совпадения в звучании; это омоформы; говорящему всегда нужно проверить, поняли ли его, не употребил ли он слов, которые могли быть попросту не так истолкованы собеседником.

В лексике точность и ясность — это оптимальное употребление слова в его значении и возможностях потенциального согласования. «Ваш путь к вершине Селигера!» — сообщает реклама, однако Селигер — озеро, и вершины у него просто не может быть, как не может быть и сколько-нибудь точного высказывания в этом случае. «Мы не имеем достоверных источников культуры тех

лет», — сообщает книга по археологии. Однако речь идёт не об источниках, а о памятниках, и неверное употребление слова деформирует смысл всей фразы. Точность и ясность речи следуют из единообразия утвердившихся понятий. Чиновник восхищается начальником, который *«попал в очко»*: имеется в виду попадание «в яблочко», т. е. в цель. *«Я косметичка»*, — объявляет героиня телесериала (очевидно, её друг должен был бы представиться кошельком). Если произносят слова, которые имеют совсем иное значение в сознании воспринимающего, — ясности речи не добиться. *«Лапы его параллельны крыльям и головам, между ними помещена зубчатая корона»*, — сказано о двуглавом орле в статье по геральдике. Но говорить следовало не о параллельности, а о соответствии; это слово способно отчасти ликвидировать понятийную неточность (двусмысленность, связанная с анафорическими местоимением, также нуждается в устранении).

Точность и ясность связаны с оптимальным выбором паронима, с толкованием многозначных слов и омонимов, которые могли бы препятствовать диалогу, имея различное значение для говорящего и слушающего. Сообщая, что в стране *«сокращается смертный возраст»*, говорящий имел в виду *«смертельный»*, однако смешение паронимов привело к ошибке (*смертным* может быть приговор или грех). Объявление предлагает *«язык в различных формах»*. Неточность устраняется, если предложить «различные формы обучения языку». Ср. студенческое: *«Я пострадал за язык»*, — оказывается, говорящий не сдал экзамена по иностранному языку. Необходимо выяснять, что имеется в виду при употреблении многозначного слова (омонима). И наоборот, следует избегать разных наименований одного предмета в пределах текста.

Областная газета сообщает о героях, *«жизнь положивших за Отечество»*. Смысл не нарушен, однако неточность налицо: можно или *голову положить*, или *жизнь отдать*. Причина неточности — контаминация двух фразеологических словосочетаний.

В грамматике неточность и неясность могут возникать из-за неудачного выбора формы, по сути противоречащей коммуника-

тивному намерению говорящего. К ошибке приводит, к примеру, неверно избранный глагольный залог. *«Разыскиваемые драгоценности»*, — сообщается в книге по криминалистике, — *прячутся за шкафом*. То, что могут делать играющие дети, не следует приписывать драгоценностям: их прячут, а сами они этого делать не могут; в процитированной фразе объект (драгоценности) наделён грамматическими характеристиками субъекта. *«Чемоданы собираются вместе и укладываются»*, — сообщается в пособии для вожатых (вместо: «собирают вместе и укладывают»). Слова предполагают определённые морфологические и согласовательные нормы — неверно выбранный залог глагола приводит к неточности и неясности речи.

Синтаксическая точность проверяется ясностью фразы, однозначностью её понимания. *«Мужиков много, а мама одна»* (из газет; заголовок статьи). Автор имел в виду то, что в жизни героини мама незаменима, и матери должна быть отдана нежность дочери. Однако формулировка может нести иную подтекстовую информацию. Синтаксическая и пунктуационная ущербность заметна во фразе: *«Ищу воспитателя для мальчика пяти лет с педагогическим образованием»* (из газет). Речь шла о «воспитателе с педагогическим образованием для мальчика пяти лет».

Смысловая неточность — во фразе из монографии: *«С начала XX в. отмечался монотонный рост урожайности»*. Очевидно, всё же «постоянный», «непрерывный», ведь «рост урожайности» предполагает позитивную доминанту, в отличие, скажем, от назойливого звука, который может быть как раз «монотонным». Вот откровения поэта-рыболова:

По первой стопке с утречка
Вели дискуссии о клёве.

Тут возможен иронический подтекст, создаваемый стиливым эклектизмом. Это и могло быть коммуникативным намерением автора, которое, однако, требует большего, чем стилистический разнобой.

Наши высказывания могут требовать уточнения, если воспринимаются двусмысленно. Это *«лекарство от фирмы N»*, *«Лада» по цене завода»* (пример Е. Петросяна) и подобные, нуждающиеся в уточнении смысла.

Из выступления: «Педагог ЖЭКа, если таковой имеется сегодня...». Кто или что имеет — педагог или ЖЭК? Налицо двусмысленность (а значит, неточность), ставящая под сомнение ясность высказывания. Неточность в употреблении анафорических местоимений отличает фразу из монографии: «Образование отличает от воспитания то, что оно (?) есть лишь его (?) компонент». При редактировании фразы возможно либо её полное изменение: «Воспитание — лишь компонент образования; этим они отличаются друг от друга» — либо «...что второе — лишь компонент первого» (в этом случае читатель невольно вернётся к началу фразы, чтобы понять смысл). «Мальчик стоял на краю бассейна; когда он выпускал воду, от него отвалились три плитки», — ошибки нет: ближе к местоимению «(от) него» располагается слово «бассейн», что соответствует коммуникативному намерению автора; но двусмысленность препятствует точности и ясности фразы.

Совпадение субъекта и объекта в одном слове — характерный смысловый и синтаксический дефект: «И его диагноз: "Это серьёзно"». — В данном случае налицо двусмысленность: «его диагноз» — тот, что поставил он (будучи субъектом действия), — или, наоборот, поставили ему (в этом случае он объект)? Руководитель предприятия сокрушается: «Зарплату платит некому». «Некому» — сказано о тех, кто её платит (субъект), или о тех, кто получает (объект)? В новостном блоке констатировано «предложение сдать в плен боевикам»; из контекста становится понятным, что боевики должны сдать в плен, а не наоборот, получить пленных — так ошибочная организация высказывания противоречит возможности его понять. «И нечем было ему отвечать...» — читаем в романе. Герой должен был услышать ответ или ответить сам? Между тем фраза должна быть максимально самостоятельной, чтобы вопрос слушателя к словесному воплощению мысли не заслонял её самой.

В романе Т. Буке «Поймать лиса» содержится фраза, переведённая так: «Брант ждал прихода катера с группой контрабандистов». Эта группа должна была *прибыть на катере* или *ждала его* вместе с Брантом?

Необходимо изменить предложение, и сделать это можно, не прибегая к лексической замене.

В планах школы — «доклад о хулиганстве на педсовете». Для достижения ясности следовало иначе построить фразу: «доклад на педсовете о хулиганстве». Газетное сообщение: «Во дворце пионеров ожидали новые дела». Ожидали — во дворце пионеров? Или пионеров ожидали во дворце? «Его речь Демосфена заворожила», — сказано об ораторе Каллистрате, однако для осмысления необходим значительный контекст. Нужно изменить порядок слов, проясняя смысл: «Его речь заворожила Демосфена» Так становится понятным, кто выступает в функции субъекта, кто осмысляется как объект воздействия. При другом субъектно-объектном раскладе порядок слов был бы иным: «Его заворожила речь Демосфена». Радио сообщило об «усилиях городских властей, предпринимаемых для ликвидации бандитских группировок и полного порядка». Что ликвидируется — группировки или порядок? Фраза не обладает точностью и ясностью, которые являются определяющими признаками удачного высказывания.

Точность речи — выбор оптимального варианта высказывания из таких структур, как, к примеру: *смелый человек* — *человек смел* (во втором случае акцентированы относительность и временность характеристики); *усвоить тему* — *освоить тему* (второй вариант означает информированность более полную). Наоборот, неточность нередко имеет причиной вариант, имеющий не тот оттенок смысла, что имелся в виду говорящим. В этом случае речь идёт не об ошибке, а о необходимости выбрать более точное соответствие коммуникативному намерению. *Формат книги* — или *книжный формат*? В первом случае (существительное + существительное) речь идёт о конкретном предмете и его признаке; во втором (существительное + прилагательное) — о характеристике не только этого, но и других предметов, похожих на него. *Синева неба* — признак одного предмета (неба), в то время как *небесная синева* — качество любого предмета и явления, акцентирование схожести

с цветом неба. Строя высказывание, предстоит выбрать между конкретным и общим, предпочитая нужный вариант в зависимости от ситуации и коммуникативного намерения.

Выбор варианта не означает, что неверный приведёт к ошибке; речь идёт о большей или меньшей точности. В конструкциях «глагол + существительное» (*купить хлеб — купить хлеба, ждать автобус — ждать автобуса*) управляемое слово, поставленное в винительном падеже, означает конкретику (именно этот хлеб, конкретный автобус), в то время как управляемое слово в родительном падеже вносит смысл всеобщности: *ждать автобуса* — т. е. безразлично какого, автобуса вообще. Размышлять можно о задаче — при этом вовсе не значит её решать; и над задачей — в этом случае предполагается более активный процесс, работа над решением: так предлог, сам по себе лишённый лексического значения, оказывает влияние на смысл структуры. Общая работа студентов могла как «привести к их единению», так и «привести их к единению»; второй вариант предполагает большую субъектность, самостоятельность студентов, нежели первый. В данном случае речь прежде всего идёт о точности, а ясность оказывается следствием этого качества.

Для точности и ясности важна оптимальная паралингвистическая и экстралингвистическая организация речи. «Почему не работает кафе?» — интересуется проходящий. Но смысл будет меняться в зависимости от того, какое слово окажется выделено логическим ударением, акцентируется значение вопроса — или удивлённая реакция на сказанное ранее. Рекламный текст объявляет: «Нет более сухих подгузников!» Это восторг или ужас, восхищение сравнением или констатация неизбежного? Ведь в зависимости от логического ударения, с которым фраза будет произнесена, «более» может входить в сочетание «более сухих» или «более нет», соответственно меняя значение высказывания.

Точность и ясность речи — два взаимообусловленных коммуникативных качества (как разные этапы формирования высказывания, как причина и следствие, как соответ-

ствие речи предмету и соответствие воспринятого высказанному), нарушение которых означает трудности при организации или восприятии сказанного.

Что касается логических ошибок в речи — они становятся ясны чаще всего, когда имеют дело с целым текстом, а не с отдельными фразами, и не со словами, никак не объединёнными и не организованными. Логические ошибки и недочёты можно объединить в несколько групп в соответствии с их причинами.

Нарушение логико-смыслового взаимодействия частей высказывания приводит к нарушению его смысла. Так, абсолютно никакого взаимодействия частей нет во фразе из сочинения старшеклассницы: *«Маяковский очень высоко «взлетел» своей верой, поэтому ему было очень больно «падать», так как из истории мы знаем, что революция ничего хорошего не сделала людям, которые действительно в неё верили»*. Отношения причины-следствия, закреплённые грамматически («так как»), на самом деле в тексте отсутствуют, и последовательное подчинение частей не поддерживается отношениями смысловыми. Ещё одна работа о Маяковском: *«...Но когда поэт понимает, что его единомышленников мало, он создаёт свой стиль написания стихов — «лесенкой», которого прежде не было»*. Фраза нелогична: одно не следует из другого, и призванное объединять части «но когда» никак не поддержано содержательно: элементы высказывания говорят совершенно о разном.

Нарушение логико-смыслового взаимодействия смежных высказываний. В радиопередаче римский император Клавдий характеризуется как тот, *«который — никому ничего плохого»*. И автор делает вывод: *«Ну, одним словом, ничтожная личность»*. Тезис и вывод лишены какой-либо логической связи; одно объективно лишено связи с другим, не следует из него. *«Современники характеризовали алтарь как «лес скульптур», — указывает путеводитель. И продолжает: Действительно, он представляет собой трёхъярусную композицию...»* Одно должно следовать из другого («действительно»), однако смыслового следования нет:

нарушена логика построения текста. Журнал сообщает: *«Напомним, что линии на Моздок, Грозный и Владикавказ входят в состав Минераловодского отделения. В результате у АЧ-2-003 отсутствует пол в салоне пассажира».* — Каким образом одно (города в составе отделения) связано с другим (отсутствием пола) — вероятно, знает автор, но по каким-то причинам не сообщил читателям. И структуры лишились логического взаимодействия; обещанное связкой «в результате», это взаимодействие отсутствует в содержании высказывания.

Противоречие смысловой и логико-грамматической организации высказывания. В пьесе М.А. Булгакова «Иван Васильевич» (а соответственно и в фильме «Иван Васильевич меняет профессию») уходящая от мужа Зинаида возмущается:

«Ну уж это безобразие! До такой степени не интересоваться женой! Блондин — Молчановский, запомни это! А Якин, он очень талантлив!»

(Булгаков М.А. Собр. соч. в 3 тт., т.3. — М., 1996. С.573)

Логическая аналогия не поддерживается смыслом: сопоставляются «блондин» и «очень талантливый» человек, чем нарушается закон тождества: блондин может сопоставляться, например, с шатеном, а талантливый — с бездарным. В пьесе этот алогизм несёт ироническую функцию, выступая характеристикой мышления Зинаиды.

В журнальной статье сопоставляются новые и старые электропоезда: *«"Ласточка" может разогнаться до 160 км/ч, в то время как "зелёнки" плетутся со скоростью 40–60 км/ч».* Но смысловое сопоставление не закреплено логической корректностью: у «Ласточки» названа конструкционная, т. е. максимальная скорость, в то время как у прежней модели («зелёнки»), способной развивать 130 км/ч, — только средняя маршрутная. Тут также нарушен закон тождества, поскольку в одной фразе приведены (но не обозначены) разные критерии, в соответствии с которыми характеризуются аналогичные предметы.

Из текста известной песни:

*Комбат, батяня, батяня комбат,
За нами Россия, Москва и Арбат.*

Во второй строке — отношения включённости, в то время как грамматически и логически элементы преподносятся в качестве равноправных, что подчёркивается перечислением.

«Одежда на ней богатая: шёлковые шаровары, чёрные косы», — читаем в художественной книге. Грамматическая однородность перечисленного («шаровары, косы») противоречит смысловой неоднородности; это ещё и объединяется словом «одежда», что является фактической ошибкой.

Противоречащие друг другу характеристики одного предмета или явления. Так происходит в словах современного писателя: *«Конечно же, владелец драгоценностей, скорее всего, замечал грубую подделку, да помалкивал».* Здесь противоречат друг другу «конечно же» и «скорее всего», которые не могут соседствовать при характеристике одного процесса, и верным является что-то одно — или предположение («скорее всего»), или утверждение («конечно же»). Историк наблюдает процесс «в любой данный момент времени». И всё же — «в любой» или «в данный»? Одно противоречит другому, и характеризовать одно понятие («момент времени») они не могут. В методическом пособии читаем: *«Это понятие одинаково истинно и столь же одинаково ложно».* Налицо логическая ошибка, возникающая как следствие неудачной структуры высказывания, построенного на лексических дефектах. Строка из песни, где упоминается про «другую такую же точно московскую осень», содержит аналогичную ошибку: «другую» противоречит следующему определению — «такую же точно», нарушая логику, но и создавая эффект логической и образной неожиданности.

Недостаточность или избыточность аргументации. В научно-популярном журнале делается вывод из ранее сказанного автором статьи: *«Как видим, 1915 год — это не между февралём и октябрём 1917 года».* Аргументировать («как видим») нужно было не то, что 1915 и 1917 — разные годы, а то, что в эти годы по-разному было настроено общество. Но в сказанном делается тот вывод, который не нуждался в доказатель-

стве. Недостаточность аргументации — точнее, её отсутствие, — можно увидеть во фразе из детской книги: «Автоматика — это хорошо, потому что она автоматическая». Синтаксически и логически «потому что» указывает на рассуждение, однако это не поддерживается лексически, сводясь к тавтологии.

Отрицание отрицания, затрудняющее понимание сказанного, может внешне проявляться в плеонастических выражениях, как, например, «фабрикация отдельных лжедоказательств» (из монографии). Дело в том, что «фабрикация доказательств» уже ведёт к «лжедоказательствам»; поэтому в приведённой фразе смысл поддельности, сфабрикованности удваивается, порождая плеонастические отношения частей и разрушая логику фразы. Логический недочёт по модели «отрицания отрицания» обнаруживают и такие словосочетания: «менее незначительный» (то есть более значительный), «не следует не замечать» (следует замечать); «редко не проходит» (часто проходит) и т. д., которые желательно заменять более простыми и логичными фразами утвердительного характера, приведёнными в скобках.

Отсутствие логической иерархии взаимоотношений между смысловыми инстанциями. Так, в известной сказке П.П. Ершова имеются слова:

*Знать, столица та была
Недалече от села.*

Село оказывается своего рода центром координатной системы; не оно располагается «недалече» от столицы, а наоборот, столица — от него. И если здесь это отражает круг представлений героев литературного произведения, то в повседневной речи такая смысловая деформация привела бы к серьёзному логическому сбою.

Наша речь оценивается не только по тому, что сказано, но и по тому, что и как воспринято. «Предмет — высказывание — восприятие» — схема процесса, между тем восприятие может быть и вторичным — так, Вл. Дорошевич рассказывает об уроке, на котором ученики должны были ответить, что хотел сказать Пушкин «Птичкой божией». Требовалось, по сути, изложить не пушкин-

скую позицию, а её учительскую интерпретацию; ясность в данном случае характеризует именно речь наставника.

«Урок русского языка. Разбор “Птички божией”.

— *Мозгов Николай!*

Встаёт маленький и уже перепуганный Мозгов Николай.

— *Мозгов Николай! Разбери мне “Птичку божью”. Что хотел сказать поэт “Птичкой божией”?*

Мозгов Николай моргает веками.

— *Ну! Мозгов Николай! Что хотел сказать поэт?*

— *У меня мамаша больна. Я не знаю, что хотел сказать поэт. Я не мог приготовить.*

— *У Мозгова Николая мамаша всегда бывает больна, когда Мозгов Николай не знает урока. У Мозгова Николая очень удобная мамаша.*

Весь класс хихикает. <...>

И уроки-то русского языка идут на каком-то индейском языке! Словно предводитель команчей разговаривает:

— *Бледнолицый брат мой — собака. Язык бледнолицего брата моего лжёт. Я сниму скальп с бледнолицего брата моего! <...> А класс хихикает всё сильнее и сильнее: “Ишь какой знающий выискался! Знает, что поэт хотел сказать! Этого никто, кроме Петра Петровича, не знает!”*

(Дорошевич В.М. Рассказы и очерки. — М., 1986. — С. 43–45)

Конечно, своего рода индульгенция на исключительное знание — ошибка, недостойная учителя. Но такая ошибка совершает вторичное действие — она сковывает речь ребят, превращая её в некий подвиг ораторского искусства, проявляющийся как раз там, где этого искусства менее всего ждут. Это мы знаем все. И Петру Петровичу подражать не станем. Однако подражать ему не стоит ещё и потому, что Пушкин, всем ясный и понятный, чья речь выразительна и логична, оказывается на таких уроках носителем ребусов и тестов. Точная речь поэта оборачивается головоломкой. Ясная — неразберихой. Логичная — набором логических парадоксов. Это ошибка педагогическая. Психологическая. Методическая. Тропа к Пушкину оказывается тернистой дорогой в сторону.

Как видим, ошибок в речи может быть немало. Но одно дело ошибаться, если говоришь с другом, и совсем иное — те же ошибки во время общения с классом. Конечно, было бы глупостью призывать следить за каждым словом и каждой фразой. Однако приведённые причины ошибок, препятствующие рече-

вой точности, ясности и логичности, помогут создать некие психологические модели, которые и без их тщательного воспроизведения сформируют своего рода «табу» в нашем сознании, и речь уж точно приблизится к тому, что называют коммуникативным идеалом педагогического высказывания.